

Кадры и кафедры

К истории русского ученого монашества

Монашество родилось как особый путь к достижению идеала святости, христианского совершенства. Это был новый путь, ведущий к общей и для иноков, и для мирян цели — жизни с Богом. Живущие по особым обетам, пребывающие в безмолвии и созерцании тайн богословия стали для всей Церкви нервом, тонко чувствующим Предание. Со временем само монашество приобретало различные формы, возникали уставы иноческого жития, разнообразие которых впоследствии было оправдано опытом святости.

Русская Церковь восприняла традицию восточного монашества во всем ее многообразии. Ученые занятия как одно из направлений в монашеском делании на христианском Востоке спустя некоторое время стали неотъемлемой частью традиции и русского иночества. И хотя ученое монашество на Руси имеет уже довольно богатую историю, споры о нем как о церковном институте, столь бурные в начале XX века, вряд ли можно сегодня считать закончившимися.

Воля государева

Со времени равноапостольного князя Владимира и до царя Алексея Михайловича Церковь хранила определенную независимость от

власти. Это выразилось, к примеру, в принятии Иваном IV византийской идеи симфонии государственной и духовной власти. Были в истории Русской Церкви даже моменты превосходящего влияния патриаршей власти: вспомним XVII век, когда первосвятительский престол занимали такие сильные и одаренные личности, как патриархи Филарет и Никон. В допетровскую эпоху архиереи происходили из монашеской среды, обычно ими становились насельники обителей, засвидетельствованных в традиции святости. Несмотря на свое высокое положение, архиереи не оставляли аскетических подвигов и любви к христианскому просвещению, являясь носителями общего на Руси нравственно-учительного идеала монашеской жизни. И на кафедре они продолжали увлекать боголюбцев своим примером христианской жизни, лишь усугубляя иноческие подвиги заботами о чистоте веры и духовном состоянии паствы.

Выделение ученого монашества в отдельный церковный институт напрямую связано с политическими преобразованиями Петра I. Начиная преобразования государственного строя России, император усиленно искал поддержки со стороны иерархии, ибо патриархальный быт Руси зиждился на народной вере и авторитете Церкви. Петр хорошо знал о духовном

единстве епископата с монашеством, почему и решил провести мероприятия по утеснению последнего, а иерархию сформировать из сочувствующих его политике лиц. Подходящие кадры он нашел в лице просвещенных киевских иноков, получивших образование в западных университетах и потому готовых принять просветительский дух петровских преобразований. Во всяком случае, они не могли составить церковной оппозиции, объединившись с патриархальным приходским духовенством.

Уже с середины XVIII века наметился небывалый разрыв в социальном и материальном положении белого духовенства и монастырского монашества с одной стороны — и ученого монашества с другой. Основной деятельностью ученой братии были систематические занятия богословием и преподавание в духовных школах. Как правило, сразу после пострига, который для ученых иноков мог состояться и до 30 лет — возраста, оговоренного «Объявлением о монашестве» 1724 года, — следовало посвящение в иеромонахи. Им позволялось жить на казенной квартире вне обители, а с 1766 года даже свободно распоряжаться своим имуществом, к примеру, завещать его родным, тогда как собственность монастырских монахов после их смерти отходила государству. Наконец, царский указ 1823 года позволил возводить в сан архимандрита ученых монахов, не являющихся настоятелями монастырей — такого Русская Церковь ранее не знала. Предвестием царского указа стало возведение молодого бакалавра Петербургской духовной академии Филарета (Дроздова) в сан архимандрита еще до того, как в 1812 году он был определен ректором Академии и настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. Как вспоминает его воспитанник архимандрит Фотий (Спасский), Филарет «любил монашеский сан ученых и желал, чтобы все достойные поступали в сан монашеский». Именно со святителя Филарета к середине XIX века начнется новая эпоха русского ученого монашества как научно-богословского и административного ядра Русской Церкви. Пока же, в XVIII веке, ученое монашество продолжало оставаться кадровым резервом церковно-государственного аппарата.

Искушенные и безыскусные

Уже во второй половине XVIII века большинство архиереев было из числа ученых монахов.

Император Петр I

Их путь был примерно одинаков: постриг без послушнического искуса, затем должность инспектора и ректора духовной семинарии, возведение в сан архимандрита — несмотря на возраст около 30 лет. Следующей ступенью было ректорство уже в духовной академии, и хотя ректоры академий числились настоятелями монастырей, там они, как правило, почти не бывали. Последним шагом по служебной лестнице было архиерейство, и получалось, что епископ так никогда и не пожил монастырской жизнью.

Впрочем, среди архиереев были и выходцы из монастырей. Именно они сохраняли в своем мироощущении и образе жизни тесную связь с аскетической традицией православного монашества. Их имена — достойное украшение Церкви: архиепископ Тобольский Варлаам (Петров) — воспитанник Досифея, старца Александро-Невского монастыря; архиепископ Екатеринославский Иов (Потемкин) — ученик молдавского старца Паисия Величковского; наставник покаяния и умной молитвы святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский.

В XVIII веке из-за активного вмешательства государства в сам уклад иноческой жизни произошло обмирщение и общий упадок монашества. Наиболее заметно это было в «синодальном» монашестве, которое порой теряло связь с древним аскетическим преданием. Но кроме

иноков, лишь носивших монашескую одежду, были и те, кто стремился устроить свою жизнь в духе святоотеческого подвижничества.

В XIX веке главным вдохновителем принятия монашества в академической среде был святитель Московский Филарет, при нем достаточно большое число студентов приняло постриг, и впоследствии некоторые из них были поставлены на ключевые архиерейские кафедры. После преставления Святителя в 1867 году число постригов среди студентов и преподавателей на некоторое время сокращается. Так, в ректорство архимандрита Михаила (Лузина) никто из студентов Московской академии монашества не принял. Архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович) писал в то время: «Теперь мы мало видим и слышим о новых поступлениях образованных молодых людей в чин монашествующих, тогда как в недавно прошедшие годы это было обычным явлением».

Ситуация стала меняться в 1880-е годы со вступлением на ректорство в Санкт-Петербургской духовной академии епископа Арсения (Брянцева). До него академия долго

не имела ректора из монашествующих, и уже двадцать лет не совершались постриги. Под влиянием примера живой веры владыки Арсения в Академии заметно окреп дух церковности, студенты стали активно обсуждать вопросы духовной жизни и подвижничества, а некоторые решили принять монашество. За четыре года его ректорства в ангельский образ облеклись девять студентов, в том числе и Алексей Храповицкий, получивший в постриге имя Антоний.

Самовар пропаганды

В лице молодого, талантливого, энергичного архимандрита Антония (Храповицкого) Русская Церковь обрела нового ревнителя, пестуна новой многочисленной школы ученого монашества. Его влияние на церковную жизнь было сильным, хотя и неоднозначным: зачастую положительным, но порой и негативным. Побывав на ключевых постах почти во всех академиях, всюду он оставлял заметный след, неизменно становясь кумиром учащейся молодежи. Митрополит Евлогий (Георгиевский),

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Архимандрит Антоний (Храповицкий)

вспоминая студенческие годы, пишет о своем ректоре: «Можно сказать без преувеличения: для Московской духовной академии начался какой-то новый период существования. Идею монашества он пропагандировал среди нас поистине фанатически. В противоположность предшественнику, епископу Христофору, архимандрит Антоний широко открыл нам двери ректорской квартиры. Он устраивал у себя собрания для студентов: на столе появлялся самовар (его называли „самовар пропаганды“), всевозможные угощения. Не одни собрания сближали нас с архимандритом Антонием, — он входил в наши дела, интересовался нашими занятиями. Следствием этого нового духа в Академии была волна пострижений». Однако там же он отмечает: «Архимандрит Антоний постригал неразборчиво и исковеркал не одну судьбу и душу...» За период ректорства в духовных академиях архимандрит, а позже епископ Антоний постриг более 60 студентов, из которых многие впоследствии стали архиереями.

В конце XIX века заметно возрастает стремление академической молодежи общаться с опытными подвижниками. Епископ Варнава

(Беляев) в студенческие годы находился под духовным руководством старца Зосимовой пустыни Алексия (Соловьева). Окормляться у старцев побуждал студентов Московской академии и ее ректор епископ Феодор (Поздеевский), который сам со студенческой скамьи был духовным чадом схиархимандрита Гавриила (Зырянова).

Об аскетике и политике

В предреволюционный период существования ученого монашества двумя ключевыми фигурами были епископы Антоний (Храповицкий) и Феодор (Поздеевский). Несмотря на то, что владыка Феодор принял постриг от преосвященного Антония и некоторое время почитал его своим духовным наставником, их взгляды на монашество впоследствии значительно разошлись. Следуя наставлениям своего духовника, старца Гавриила, владыка Феодор стремился возрастить молодые побеги ученого иночества, укоренив их в древней аскетической традиции. Впервые в истории русских богословских школ он ввел курс лекций по аскетике и сам читал их в Московской духовной академии с 1910 по 1916 год. В отличие от владыки Антония, который оправдывал светский образ жизни учено-административного монашества и считал, что ученые иноки призваны активно влиять на церковно-политическую жизнь России, епископ Феодор основной акцент в задачах ученого монашества ставил на созерцательной жизни и пастырском служении.

Всматриваясь в себя

На Съезде ученого монашества, проходившем в стенах Московской духовной академии с 7 по 14 июля 1917 года, епископ Волоколамский Феодор был основным вдохновителем работы — в принятых постановлениях можно усматривать существенное влияние его взглядов. Исходя из своего опыта, он считал необходимым, «чтобы ученые иноки с самого начала монашеской жизни были под руководством духовных старцев, как это было за последнее время в духовных академиях». Порицание распущенности и светского образа жизни некоторых иноков-преподавателей, особенно из периферийных духовных школ вдали от монашеских обителей, выразилось в запрещении заменять без крайней нужды скуфью шляпой,

стричь волосы и есть мясо. Ученым монахам возбранялось выпрашивать награды и повышения по службе, в обязанность же поставлено «охотно уступать первенство за богослужением старшим по посвящению», хотя бы и не получившим образования.

Съезд опровергал бытующее в обществе мнение, что «развал духовной школы зависел от участия монахов в административно-педагогическом деле», указывая на их «незначительный процент в общем числе начальствующих и учащихся»: в 1914 году среди преподавателей четырех духовных академий числилось только 19 монахов, включая четырех ректоров-епископов. Основную же часть ученого монашества составляли архиереи. Участники Съезда указывали на опасность, которая угрожает православно-богословской науке в том случае, если академии станут автономными (светские профессора стремились добиться административной независимости духовной школы от правящего архиерея). Предполагалось сохранить одну академию, а именно Московскую, на прежних принципах управления, «на началах строго церковных в смысле устава, дисциплины и быта, обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного направления».

Все функции по координации деятельности ученого иночества Съезд намерен был возложить на Всероссийский союз ученого иночества, который решено именовать «Иноческое церковно-просветительское братство». Это Братство должно было состоять из выборного на семь лет Председателя в сане епископа, Совета, действительных членов и член-соревнователей. Последняя ступень введена для мирян. Первым в списке братчиков вписал себя председатель Съезда — архиепископ Московский Тихон (Белавин). Среди задач Братства были названы: во-первых, научная разработка высших богословских вопросов; во-вторых, религиозно-просветительская деятельность, учреждение школ пастырского и миссионерского характера, издательство, составление учебных руководств, переводы святоотеческих творений; в-третьих, благотворительная деятельность в целях просвещения и миссионерство. Заметим, что идея создания Братства и его Устав родились именно на Съезде ученого монашества, и последующее «Определение о монашестве» Поместного

Собора 1917–1918 годов во многом основывались на итогах Съезда.

Съезд вынес ряд решений, которые утверждали право монахов с высшим богословским образованием занимать административные и преподавательские должности в духовных школах наравне со светскими преподавателями. В случае освобождения от послушания на ученой стезе таковые иноки должны были «безропотно удалиться в монастырское братство».

В свете соборного разума Церкви

Уникальным явлением в жизни Русской Церкви был Поместный Собор 1917–1918 годов. Прочным основанием, позволившим выработать большое число важных постановлений об организации церковной жизни стала глубокая

Епископ Феодор (Поздеевский)

проработка вопросов церковного устройства еще до начала работы Собора, а также его представительность — более 500 участников, из которых 80 архиереев. Центральным деянием Собора, безусловно, было восстановление патриаршества 26 октября 1917 года. Интронизация Святейшего Патриарха Тихона особым образом объединила участников: «Собор, поначалу напомиравший парламент, начал преобразоваться в подлинный Церковный Собор. Дух Божий повеял над собранием, всех утишая, всех примиряя...»

Однако дебаты иногда разгорались не на шутку. При обсуждении доклада «Об Общем Положении для монастырей и монашествующих» несколько пунктов, регламентирующих пострижение в духовных школах, увлекли соборян в многочасовую полемику о минимальном возрасте постригаемых. Это послужило хорошим поводом для того, чтобы все высказались по волнующему вопросу. Но подоплека полемики состояла отнюдь не в попечении о том, чтобы юноши-академисты осознанно выбирали свой жизненный путь, — речь шла о служебной конкуренции. С трибуны прозвучало достаточное число обличений «специалистов своего дела — вербовщиков в кадры ученого монашества», а также разоблачений, прерываемых даже криками из зала: «Довольно! Хватит!», и вообще негативных оценок «особого положения» ученых монахов. Со стороны мирян много говорилось об отсутствии возможности исполнения обетов ученым иночеством: «Разве допустимо с точки зрения монашеского идеала жизни, чтобы человек чуть ли не на другой день после пострижения и произнесения обетов опять возвращался в мирскую обстановку Академии?»

Отвечая на прозвучавшие обвинения, владыка Анатолий (Грисюк) обратил внимание Собора на то, что наряду с богослужением «изучение священных книг считалось с древних лет для монахов самым важным делом. Изучение богословских наук является деятельностью, близкой по духу и по роду жизни для инока. Академия должна быть украшением Церкви. Там должны быть все лучшие силы, движущие нашу церковную жизнь».

По-своему этот взгляд поддержал А.В.Карташев: «Суть ученого монашества не во второстепенных уродливостях быта, а в его высшем оправдании, именно в его „десяти праведниках“, в элементах его подвижничества и вдох-

новенного служения Церкви. Но героический путь всегда трагичен, и нельзя отговариваться от пути героизма соображениями обывательской безопасности и умеренности». Он предложил неожиданный компромиссный путь решения проблемы: «Для такого рода жития, если он нужен Церкви, Церковь может принять особые, не монашеские, обеты и создать особого рода братский устав». Впрочем, идею особых обетов соборяне не одобрили.

Основные моменты Положения «Об ученом монашестве» стараниями епископа Феодора и архиепископа Серафима (Чичагова) приобрели вид, согласный с итоговой редакцией постановлений Съезда ученого монашества. Собор утвердил идею образования Всероссийского инокского церковно-просветительского братства и создание Братской духовной академии со своим уставом. Было решено предоставить Братству несколько монастырей, один из которых «непременно в Москве». Таковым фактически уже был Свято-Данилов монастырь, где настоятельствовал епископ Волоколамский Феодор. Однако революционные события не позволили осуществиться этому плану.

Монахи, историки и поэты

Таким образом, ученое монашество синодального периода, как и сама синодальная система, хотя и было изначально насаждено Петром для превращения Церкви в послушный инструмент светской власти, но благодаря трудам многих ученых иноков было воспринято в церковную жизнь как инструмент уже самой Церкви: с одной стороны, для глубокого и систематического изучения церковного Предания, а с другой — для проповеди Евангельского благовестия на языке секулярной цивилизации. Но как и в прошлых веках, так и ныне ученому монашеству предлежит подвиг, по слову святителя Василия Великого, «важнейший всех подвигов, — подвиг, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и со стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе».

Константин Юдин,
4 курс МДС